

**ХИРОКО
НАГАТА**

**ФУСАКО
СИГЭНОБУ**

16 НАДГРОБИЙ

**ВОСПОМИНАНИЯ
САМЫХ ЖЕСТОКИХ
ТЕРРОРИСТОК
"ЯПОНСКОЙ
КРАСНОЙ АРМИИ"**

Против течения

Хироко Нагата

**Шестнадцать надгробий.
Воспоминания самых
жесточких террористок
«Японской Красной Армии»**

«Алисторус»

2023

УДК 93/94
ББК 63.3(2)

Нагата Х.

Шестнадцать надгробий. Воспоминания самых жестоких террористок «Японской Красной Армии» / Х. Нагата — «Алисторус», 2023 — (Против течения)

ISBN 978-5-00222-243-8

Красная Армия Японии – одна из самых жестоких террористических организаций за весь XX век. На её счету чудовищная бойня в аэропорту Лот, захваты пассажирских авиалайнеров, применение химического и биологического оружия. По некоторым данным, КАЯ причастная даже к знаменитому теракту 11 сентября. В этой книге собраны мемуары двух женщин – основательниц этой легендарной организации – Хироко Нагаты и Фусако Сигэнобу. Эти воспоминания подчас шокируют и поражают, но не могут не вызвать интереса у любого, кто неравнодушен к истории XX века и особенно левого движения 1960-х. В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 93/94
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-00222-243-8

© Нагата Х., 2023
© Алисторус, 2023

Содержание

Предисловие редактора	7
Краткий экскурс в историю «Ниппон Сэкигун»	11
Предыстория	11
Начало пути	14
Объединенная Красная Армия (Рэнго Сэкигун)	17
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Хироко Нагата, Фусако Сигэнобу Шестнадцать надгробий. Воспоминания самых жестоких террористок

Пустые бюрократические процедуры,
Машина, что вдребезги красные крылья
сминает о столб.
Какие-то новости, дети,
В скале что играют,
В скалистой пещере.
Аресты товарищей и разговоры
В пустом кинотеатре, грязном, вонючем,
Как свалка.
И на экране лица коровьи,
И в жизни ужаса полные глаза
Человека, которого арестовывают
И скоро приговорят
к пожизненному заключению.
Тотиги и Ибараки, Сайтама и Токио,
Машины, которые осматривает офицер.
Белые седаны катятся
по роскошным магистралям
К посольству страны, что владеет миром,
А следовательно – всем горем всего мира.
Холёные офицеры в тяжёлых бронежилетах
Под жарой столичного лета.
Жирные, истекающие от пота, нелепые
В своих бесполезных бронежилетах.
Всякая дрянь, всякая мелочь и дребедень.
Очень устала.
В посольстве заложена бомба.
Но есть то, что нестерпимей жары
и усталости,
И это – угнетение, как на рисовом поле.
И когда я смотрю в зеркало машины,
Я думаю об убийстве крупного рогатого скота.
Точнее, скотов,
Что захватили мою страну,
А вместе с ней и весь мир.
Я думаю об аресте Сейго Ватари
И Эхэя Накадзимы,
А также товарища Бифа Одзаки,
И я не могу отложить
Оружие, которое я взяла с собой,
Чтоб унести как можно больше жизней.

– *Хироко Нагата*

Предисловие редактора

Японец без меча – не японец!
– Хироко Нагата

Книга, которую вы держите в руках, совершенно уникальна. В ней собраны мемуары двух самых известных японских террористок прошлого века, – Хироко Нагаты и Фусако Сигэнобу.

Мемуары Хироко Нагаты были написаны ей во время следствия и тюремного заключения. Отдельные отрывки из них увидели свет ещё в семидесятые, но полноценный двухтомник под названием «Шестнадцать надгробий. Юность огня и смерти» вышел лишь в 1982 году. Позднее книга неоднократно переиздавалась (в 1983, 1993, 2003, 2006 и 2009 годах соответственно) и дорабатывалась вплоть до смерти Нагаты в 2011 году. В 2012 году вышло посмертное издание, куда были включены некоторые доработки из черновиков Хироко.

Нагата также написала ряд иных работ, среди которых романы, пьесы, сборники стихов, различные эссе, публицистика и её сочинения по марксистской теории.

Фусако Сигэнобу пробыла в тюрьме меньше своей соратницы, но за проведённое там время она написала двенадцать книг, девять из которых можно купить открыто. Последняя версия её мемуаров («Сезон революции») вышла в 2023 году, вскоре после её выхода из тюрьмы.

Также в этом же году в Японии впервые издали сборник, содержащий мемуары двух известнейших террористок этой страны о событиях шестидесятых-семидесятых годов. Там содержались как отдельные главы из книг Нагаты и Сигэнобу, так и новые, ранее не опубликованные мемуары. Книга была озаглавлена так же, как и мемуары Нагаты – «Шестнадцать надгробий. Юность огня и смерти», но было указано, что версия существенно расширена за счёт мемуаров Сигэнобу.

В Интернете почти ничего из этого не доступно, исключая первое (1982 года) издание мемуаров Нагаты. Они оцифрованы, их можно найти на Веб Архиве. Однако и там скачать их нельзя: можно только посмотреть в течение одного часа.

То же самое можно сказать и про исследования, посвящённые Красной Армии Японии. В большинстве своём они недоступны не только русскоязычному, но даже англоязычному читателю.

Также отметим, что мемуары и другие работы Фусако Сигэнобу и Хироко Нагаты до этого никогда не переводились ни на какие иностранные языки (исключением могут служить некоторые статьи Сигэнобу, написанные ей в подполье, но итак ситуация иная: они изначально писались на французском или арабском языке).

Русский стал первым иностранным языком, на который были переведены работы этих деятельниц левого движения прошлого века.

Распространению информации о деятельности Красной Армии Японии мешают как драконовские законы об авторском праве в Японии (передающие все права на переводы и распространение книг издателю), давление властей на издательства, печатавшие воспоминания (так, последние книги Нагаты и Сигэнобу соглашались публиковать только ультраправые издательства, у которых есть опыт противостояния государственному давлению), а также упорное молчание со стороны академической общественности и поедавших идеалы революции западных леволибералов.

Эти последние, весьма влиятельные в академической, переводческой, издательской среде западных стран люди, как огня боящиеся любого радикализма, сделали всё возможное для того, чтобы замолчать опыт КАЯ. Особенно в данном случае постарались либеральные и правые интерсекциональные феминистки – последовательницы Джудит Батлер. Именно они вся-

чески препятствовали переводу работ Сигэнобу и Нагаты на английский язык, опасаясь, что их публикация подорвёт репутацию феминизма как ненасильственного движения.

Тем не менее, одна из книг этого дуэта всё же выходит на русском языке.

Скажем пару слов о её текстографии.

Главы, написанные Нагатой, выдают человека невежественного. Она очень мало использует кандзи, старается писать почти исключительно хираганой, что делает текст весьма непростым для восприятия (впрочем, сама Нагата объясняла написание хираганой тем, что как феминистка она предпочитает использовать традиционное женское письмо). Стилистические ошибки, корявости и неточности встречаются там повсеместно. Тем не менее, там куда больше народной живости.

Хироко Нагата расправляется с оппортунистами. Изображение в газете в стиле укиё-э, начало 1970-х годов

Текст Сигэнобу куда более грамотный, но не порадует нас меткими метафорами. Он довольно сух, прямо скажем.

Тем не менее, книга необычайно интересна.

Люди, изучающие историю левого движения той эпохи, привыкли к оригинальным приключениям, но даже они могут удивиться здесь.

В любом случае, книга будет интересна всем любителям истории XX века и вряд ли кого оставит равнодушным.

– Марат Нигматулин, Эвелина Катайцева. 9 октября 2023 года

Краткий экскурс в историю «Ниппон Сэкигун»

Предыстория

Уважаемые читатели, мы с вами переносимся из послевоенной Западной Германии на Дальний Восток, в послевоенную Японию, в которой в разгар студенческой борьбы 60-х годов в ходе становления нового левого движения зародилась леворадикальная террористическая организация, сплотившая молодых людей со стойкой и неосознанной приверженностью древнему кодексу воинской чести, пропитанная духом самурайской верности и гордо нареченная Ниппон Сэкигун – Японская Красная Армия.

Обратившись к истокам японского леворадикального терроризма, первое, что мы с вами увидим – это поразительное сходство условий, в которых возникла Ниппон Сэкигун, с условиями, в которых зародилась родственная ей организация Фракция Красной Армии в Западной Германии. Действительно, экономическая и политическая обстановки в Японии и в Западной Германии в описываемый период времени практически идентичны. Так же, как и Третий Рейх, Великая Японская Империя потерпела поражение во Второй Мировой войне, утратила все захваченные территории и свободу действий в управлении собственным государством.

Вдобавок к этому, Япония стала первой и единственной страной, пережившей атомную бомбардировку, и это событие оставило неизгладимый след в сознании целого поколения японцев.

Так же, как и послевоенная Германия, Япония пережила унижительный и изнурительный период оккупации. Генерал Дуглас Макартур – главнокомандующий оккупационными войсками в Японии – проводил послевоенные реформы, участвовал в разработке новой японской конституции, был организатором Токийского процесса над японскими военными преступниками, в ходе которого семеро обвиняемых, включая двух бывших премьер-министров, были приговорены к смертной казни через повешение, 15 обвиняемых были приговорены к пожизненному заключению, ещё трое – к разным срокам заключения.

И так же, как и Западная Германия, послевоенная Япония попала в сферу империалистических интересов США и надолго осталась в этой сфере, превратившись в военную базу агрессивной американской империалистической политики.

Японское экономическое чудо – период рекордного роста японской экономики – происходило примерно в то же время, что и в Западной Германии, с середины 50-х и до нефтяного кризиса 1973 года.

Естественно, без вливания американских денег дело не обошлось. США проявили невиданную щедрость, предоставляя оккупированной стране огромные кредиты. Япония практически не имела своих военных расходов, зато японские предприятия всю обслуживали американскую военную машину. Военные заказы США способствовали повышению загрузки и развитию промышленности, началось обновление производственных мощностей, одновременно с этим Япония получила широкий доступ к американским технологиям. В сентябре 1951 года США подписали мирный договор с Японией, и период оккупации официально завершился. Но это не означало освобождения страны от американского военного присутствия. Дальнейший экономический подъем был обеспечен такими факторами, как низкая стоимость рабочей силы, жесткая эксплуатация трудящихся на предприятиях, искусственно созданные напряженные условия труда. Япония – это хороший пример капиталистической страны, в которой корпорации действительно выжимали из трудящихся все соки, чтобы вытащить страну из послевоенной разрухи и долговой кабалы и обрести экономическую свободу от иностранного капитала. А что касается прямого участия в империалистической политике США... Ну, что ж,

в этом плане есть одно важное отличие Японии от европейских стран. Если европейцы знали о войне во Вьетнаме из газет и телерепортажей, то жители японских островов воочию наблюдали бомбардировщики, взлетающие с военно-воздушных баз на Окинаве, и авианосцы, заходящие на дозаправку или отдых в порты страны. Японцам от мирной жизни до войны было рукой подать.

А как в Японии обстояло дело на фронте классовой борьбы?

В Японии существует коммунистическая партия. Вернее, сейчас там есть некое подобие коммунистической партии.

По численности одна из крупнейших неправых компартий в мире – более 300 000 членов. Возникла она в условиях роста рабочего движения после победы Октябрьской революции 1917 года в России. В ту пору это была немногочисленная, но весьма воинственная организация. В тридцатые годы, еще в Великой Японской Империи партия пережила тотальный разгром. После Второй Мировой войны партия была реорганизована и развернула активную деятельность в профсоюзах и других массовых организациях – но тут же была запрещена американскими оккупационными властями. В первой половине 1950-х годов в условиях антикоммунистической деятельности правительства и в результате внутренних разногласий в партии назрел раскол. Самая агрессивная часть японских коммунистов требовала начать партизанскую борьбу. Они намеревались подвигнуть народные массы на вооруженные действия против класса эксплуататоров и рассчитывали повторить путь, успешно пройденный китайскими коммунистами во главе с Мао Цзэдуном во время гражданской войны в Китае. Данное требование было отвергнуто партийным руководством, а все силы партии были брошены на парламентскую борьбу. Этим японская компартия и занимается на протяжении последних семидесяти лет – парламентской борьбой. Никаких видимых успехов на этом поприще за семьдесят лет японским коммунистам достигнуть не удалось. С начала 60-х годов японская компартия дистанцировалась от СССР, стремясь доказать японской общественности, что является самостоятельной силой, а не подотчетна советскому руководству. В 1966 году японская компартия полностью разорвала отношения с коммунистической партией Китая. В нынешнем виде японская компартия – это аналог нашей КПРФ, то есть оппортунистическая социал-демократическая организация, вдобавок ко всему еще и изолированная от влияния мирового коммунистического движения.

Еще более скверно дело обстоит с профсоюзами. В отличие от профсоюзов Европы и Америки, исповедующих отраслевой производственный принцип организации, подавляющее большинство японских профсоюзов объединяют трудящихся не по профессиональному признаку, а по принципу корпоративной идентичности.

Это значит, что у каждой японской корпорации есть свой собственный профсоюз. В крупных компаниях, владеющих несколькими предприятиями, разбросанными по стране, на каждом из них также создается свой профсоюз. Именно этим обусловлены раздробленность рабочего движения Японии и соглашательский характер профорганизаций. Забастовкам и другим активным формам борьбы профсоюзные лидеры предпочитают компромиссы с администрацией. Организованные по такому принципу профсоюзы не интересы трудящихся защищают, а обслуживают корпорации, на которые они работают. Профсоюзный комитет – это фактически особый отдел, занимающийся вопросами трудовых взаимоотношений внутри компании.

Это простое и гениальное решение проблемы обострения классовой борьбы. Рабочее движение в Японии оказалось в западне. Поскольку в наше время трудящиеся Японии во многих отношениях имеют гораздо лучшие условия труда, чем в остальном мире, поднять японские профсоюзные массы на ожесточенную борьбу против класса эксплуататоров очень нелегко.

В шестидесятые годы в Японии, точно так же, как в Америке и Европе, поднялась волна «нового левого» движения («Синсаёку»).

Студенты большей части университетов Японии, выступая против войны во Вьетнаме, перезаключения американо-японского договора безопасности, повышения платы за обучение и навязывания буржуазных ценностей, срывали занятия, занимали университетские корпуса, собирали митинги. По всей стране вспыхивали продолжительные столкновения с полицией.

На фоне недееспособных японских коммунистов и профсоюзных деятелей «новые левые» выглядели грозной и решительной силой. И даже казалось, что у них есть реальная возможность переломить в пользу трудящихся масс опасную соглашательскую тенденцию в классовой борьбе. Проблема была в том, что движение «новых левых» в Японии имело непреодолимую склонность к дроблению, а это привело к тому, что в Японии возникло целое скопище левых организаций, совершенно неспособных к каким бы то ни было организованным и скоординированным действиям.

В 1957 году выходцами из Коммунистической партии была основана Троцкистская лига Японии, и она быстро распалась на сторонников Четвертого Интернационала и антисталинистскую Революционную коммунистическую лигу.

В 1958 году от Коммунистической партии откололась маоистская группа.

В 1959 году набрала силу студенческая ультралевая лига «Дзэнгакурэн» (Национальная федерация студенческого самоуправления). Радикально настроенные студенты, состоявшие в этой лиге, ворвались в японский парламент во время обсуждения Договора о взаимном сотрудничестве и безопасности между США и Японией – и таким образом резко прибавили себе очков популярности в широких массах населения Японии.

В 1963 году Революционная коммунистическая лига треснула надвое – образовались Фракция среднего ядра, также именуемая Национальным комитетом Революционной коммунистической лиги, и Фракция революционных марксистов Революционной коммунистической лиги.

В 1965 году Молодежный альянс Социалистической партии создал «освободительную фракцию», которая отвергла троцкизм и топила за люксембургизм.

В 1969 году к делу подключились еще и анархисты, не желавшие присоединяться ни к каким из существовавших политических групп.

Рехнуться можно. Это был просто адский замес.

К началу семидесятых годов в левом движении Японии воцарилась совершенная неразбериха. Нелегко же было японским трудящимся разобраться в этом бардаке – кто с кем и против кого.

В итоге «новые левые» усугубили ситуацию. Поставленных задач они так и не решили, заявленных целей не достигли, результатов не добились. Зато дров наломали изрядно.

Начало пути

31 марта 1970 года пассажирский «боинг» рейса 351 авиакомпании «Japan Airlines», известный под обозначением ЁДО-ГО, совершал регулярный перелет из Токио в Фукуоку. На борту находились 122 пассажира и 7 членов экипажа.

Среди пассажиров на борту оказались 9 террористов. Они были вооружены самурайскими мечами и трубчатыми бомбами. Трубчатая бомба – это разновидность самодельного взрывного устройства, представляет собой тупо обрезок водопроводной трубы, заполненный взрывчатым веществом. Вещь столь же распространенная, как и коктейль Молотова, применяется различными преступными и террористическими группировками, проста в изготовлении, компоненты легко добыть, но опасна даже для самого сборщика таких устройств, в неумелых руках может сработать еще на стадии сборки.

Угрожая самурайскими мечами и самодельными бомбами, террористы потребовали у экипажа направить самолет в Пхеньян, в КНДР.

Эти 9 парней состояли в рядах организации под названием «Сэкигун-ха» – Фракция Красной Армии Японской Коммунистической Лиги – леворадикальной группировки троцкистского толка. В ФРГ Фракция Красной Армии еще только зарождалась, Андреас Баадер, Гудрун Энслин и Ульрика Майнхоф еще только строили планы, а их единомышленники в Японии уже приступили к активным действиям. Разумеется, с Фракцией Красной Армии в ФРГ у японской организации, кроме названия, ничего общего не было, они возникли параллельно, независимо друг от друга, хотя мыслили примерно в одном и том же направлении. Идейным лидером японской Фракции был молодой троцкист по имени Такая Сиоми – амбициозный и воинственный студенческий вожак. Бросил учебу в Киотском университете, чтобы работать организатором протестного движения. Осенью 1968 г. на студенческой конференции он встретил радикалов из других стран. Идеология Сэкигун-ха развилась в результате долгих дискуссий Сиоми и его ближайших соратников по борьбе в конце 1968 и начале 1969 г. Можно сказать, что Такая Сиоми – это японский аналог Руди Дучке. Такой же вдохновитель революционной молодежи.

Если коротко, то воззрения Сиоми были следующими:

- Революция уже началась и идет полным ходом, просто не все осознают значение развернувшейся во всем мире борьбы.
- Революционный процесс должен подняться в периферийных и недоразвитых странах, чтобы затем постепенно перекинуться на империалистические державы.
- От массовых партий нужно переходить к малочисленным группам.
- От демократического голосования и свободных дебатов нужно переходить к жесткой иерархической системе.

Откуда все это растет? Ну, конечно же, из теории перманентной революции незабвенного Льва Давидовича. Есть ли тут сходство с воззрениями немецких красноармейцев из состава РАФ? Конечно, есть. Но с одной важной оговоркой. Фракция Красной Армии в Западной Германии поддерживала национально-освободительные движения в странах Третьего мира, но планировала перенести боевые действия из колоний и полукolonий в метрополию, поэтому развернула городскую герилью на территории родной страны. Японская Красная Армия выбрала обратную стратегию. Если нет возможности эффективно действовать в Японии, то нужно действовать в странах третьего мира. Революционное движение требует интернационализации.

А вся беда в том, что плазменные японские революционеры придали неверное значение происходящим в мире процессам, неправильно оценили реальное положение дел. Их представ-

ление о наступлении мировой революции было заведомо ошибочным, но они упорно продолжали выдавать желаемое за действительное.

Сиоми спланировал операцию по захвату самолета, но не смог принять в ней участие. Перед тем, как Фракция приступила к выполнению его плана, Сиоми был арестован полицией и отправлен за решетку. Боевую группу, захватившую самолет по плану Сиоми, возглавил его сподвижник Такамаро Тамия. На что рассчитывали захватчики? Они намеревались обосноваться в Северной Корее и использовать ее как базу для создания повстанческого движения в Южной Корее, чтобы в дальнейшем оттуда перекинуть свою деятельность на всю Восточную Азию.

Это был первый в истории Японии захват пассажирского авиалайнера, да вдобавок успешный. Это в наше время пронести на борт самолета оружие и взрывчатку не представляется возможным, потому что в аэропортах усиленные меры безопасности, повсюду металлоискатели и вооруженная охрана, а тогда, в семидесятых – это было проще простого. Ничего подобного в Японии еще не было ни разу. И, разумеется, у японского правительства не было никакого чрезвычайного плана на этот случай, ему пришлось искать решение проблемы по ходу дела. И надо отдать должное японскому правительству – оно проявило редкостную изобретательность.

Поскольку самолет предназначался для внутренних, а не для международных авиалиний, его пришлось посадить в Фукуоке для дозаправки. Здесь его поджидали 300 полицейских и целая толпа журналистов, прибывших со всей страны – событие быстро всколыхнуло японскую общественность.

Японские власти получили отсрочку, позволившую разработать план действий. Захватчики, поддавшись на уговоры, обменяли на топливо 23 заложника (в основном, женщин и детей), после чего велели поднять самолет в воздух и взять курс на Пхеньян.

Однако пилот, получив по радио с земли инструкции по навигации, взял курс на Сеул – в Южную Корею. А ко времени прибытия рейса 351 в Сеуле подготовили встречу.

Правительства Японии и Южной Кореи пытались убедить захватчиков в том, что самолет на самом деле приземлился в Пхеньяне. Но провести японских красных террористов оказалось не так-то просто. Им показалось странным, что аэропорт не обвешан северокорейскими флагами. Во время переговоров они потребовали доказательств прибытия в Пхеньян – на этом план спасения заложников погорел. Обман вскрылся. Но штурмовать самолет японское правительство так и не решилось. Взамен оно предложило обменять заложников на заместителя министра транспорта Японии. Лидер боевиков Такамаро Тамия согласился, замминистра поднялся на борт, пассажиров отпустили, и рейс 351 благополучно достиг Пхеньяна.

Заместитель министра и экипаж самолета через двое суток были возвращены в Японию.

А что же стало с бравыми красноармейцами, провернувшими невиданную до той поры операцию? Думаете, в КНДР их тут же посадили в местный ГУЛАГ или расстреляли на полигоне из народно-демократической артиллерии? Как бы не так. Встретили угонщиков как родных, они же все-таки борцы против мирового империализма.

Но вот помогать им в осуществлении перманентной революции у северокорейского руководства в планах не было. На счет японских террористов руководство КНДР имело другие намерения. Ими заинтересовалась северокорейская госбезопасность. Одна из особенностей северокорейских спецслужб – почти полное отсутствие информации о них в открытом доступе. Достоверных сведений об их работе практически нет. По некоторым неподтвержденным данным, бывшие красные террористы прониклись идеями чучхе, были устроены на работу во внешнюю разведку и выполняли спецоперации КНДР за рубежом.

Доподлинно известно, что в КНДР бывшим террористам обеспечили комфортные и достойные условия проживания. Им предоставили целый жилой комплекс, получивший

обиходное название «Революционный поселок». Большинство участников террористической группы проживают в нем до сих пор.

Один из террористов, Ясухиро Сибата, вернулся в Японию в 1985 году, тут же был арестован, отправлен под суд и получил пять лет тюрьмы. Другой, Ёсими Танака в 2000 году был задержан в Таиланде – при нем была огромная сумма денег. Его депортировали в Японию, где он скончался, не дождавшись приговора суда.

Лидер группы Такамаро Тамия умер в КНДР в 1995 году. Остальные участники группы в 2014 году публично заявили, что хотели бы вернуться на историческую родину, но руководство КНДР отказалось предоставить им выезд из страны чучхе. К тому же обвинения в угоне самолета с них до сих пор не сняты, и после возвращения на родину всех бывших террористов непременно ждет арест.

Что касается вдохновителя и основателя Красной Армии Японии, Такая Сиоми, то он просидел в тюрьме 20 лет, освободился в 1989 году, остаток жизни он провел в родной стране честным наемным тружеником, написал несколько книг и принимал участие в легальной политической борьбе, пока не скончался в 2017 году.

Объединенная Красная Армия (Рэнго Сэкигун)

Следствием угона самолёта в Северную Корею стали полицейские облавы против Красной Армии. Сэкигун-ха началась от 500 до 1000 членов, но к середине 1971 года сжалась до малой группы из нескольких десятков бойцов и около 200 поддерживающих, не вовлеченных в основную деятельность. Кроме того, Сэкигун-ха осталась без руководства. И вот в 1971 году на передний план выдвинулся человек по имени Цунэо Мори.

Студент Университета Осаки, рядовой член Коммунистической лиги, исполнительный солдат, привыкший без рассуждений и колебаний выполнять приказы Партии. В Университете он познакомился и сдружился с Такамаро Тамией – будущим организатором угона самолёта в Северную Корею. Тамия уговорил Мори вступить ряды Красной Армии и сделал его своим доверенным человеком. Через два года Мори сумел подняться от рядового исполнителя до лидера боевой организации.

Но дело в том, что помимо Мори был и еще один кандидат на должность руководителя. Это была Фусако Сигэнобу.

Среди левых террористов немало женщин. Сигэнобу войдет в историю, как одна из самых известных и популярных. Дочь майора Японской императорской армии, студентка Университета Мэйдзи в Токио. Хорошо проявила себя в период студенческих волнений. Кроме того, состояла в близких отношениях с Такамаро Тамией.

В организации у нее были репутация и поддержка – вполне заслуженные. Чего нельзя было сказать о Цунэо Мори. Получилось так, что Такамаро Тамия был связующим звеном между этими двумя кандидатами. С одной стороны – его спутница, а с другой – его верный и преданный друг.

Мори и Сигэнобу никогда друг с другом знакомы не были, ни разу вживую не виделись, общались только по переписке. Сигэнобу подвергала сомнению способности своего оппонента. Она считала Мори недостаточно стойким и сомневалась, что он может понимать действительно сложные и запутанные проблемы революционного движения. Кроме того, она воспылала идеей собрать сторонников и отправиться с ними в Палестину. Она собиралась продолжить путь идейного вдохновителя Красной Армии – Такая Сиоми – и вывести революционную борьбу на международный уровень. Мори отказался поддержать эту инициативу. Но потом сообразил, что лучший способ избавиться от проблемной соратницы – это предоставить ей полную свободу действий. Фактически, Сигэнобу была сослана куда подальше, а Мори получил возможность переделать организацию так, как ему лучше виделось.

Сигэнобу намеревалась присоединиться к Народному Фронту Освобождения Палестины. Отправилась она не одна, с ней собрался лететь ее соратник по борьбе Цуёси Окудайро, за которого она вышла замуж. Брак был фиктивным. Сигэнобу за время участия в массовых беспорядках нажила себе немало проблем и была хорошо известна японским правоохранительным органам, и ей пришлось в голову поменять фамилию, чтобы не привлекать лишнего внимания полиции к своей персоне. Задумка сработала. Сигэнобу беспрепятственно вылетела на Ближний Восток в сопровождении фиктивного мужа по чистым, подлинным документам.

Она покинула Японию на тридцать лет. В скором времени ее имя обретет мировую славу. А что осталось в Японии?

Возглавив Сэкигун-ха в начале 1971 года, Мори провел серию успешных экспроприаций. В феврале и марте три ограбления банков принесли Красной Армии 2 миллиона йен. В июле было успешно экспроприровано 6 миллионов. Мори удалось решить вопрос с финансированием на длительный срок. Теперь от него требовалось решить вопрос по материальной части. А точнее – Красная Армия нуждалась в оружии.

В то же самое время параллельно с Сэкигун-ха в Японии действовала ещё одна боевая организация – «Кэйхин Ампо Киото» (Совет совместной борьбы против договора безопасности) или просто «Кэйхин». Основной целью этой организации провозглашалась борьба с американским империализмом. Кэйхин набирала членов из профессиональных училищ Июкогамы и Нагои. Возглавляла организацию в начале 70-х молодая женщина по имени Хироко Нагата.

Национальная пресса в Японии описывала эту барышню как «психованную королеву радикалов». По свидетельствам ее близкого окружения, Нагате с трудом давалась учёба, она сильно утомлялась, была невнимательна и подвержена истерикам. Но это не помешало ей возглавить довольно агрессивную ультралевую группировку. Еще у Нагаты были радикальные феминистские взгляды, вместе с другими участницами Кэйхин она стремилась к освобождению женщин от оков патриархального общества.

В 1971 году организация перешла на нелегальное положение. Кэйхин под руководством Нагаты была менее успешной, чем Сэкигун, в ограблениях банков, большинство членов находились в бегах, организации приходилось постоянно менять убежища. Зато Кэйхин смогла одним ударом решить проблему с вооружением, совершив налёт на крупный магазин в городе Маока.

У Кэйхин скопился избыток гражданского огнестрела. У Сэкигун оружия катастрофически не хватало, зато денежных средств после проведённых экспроприаций было предостаточно. Это положило начало взаимовыгодному сотрудничеству. Цунэо Мори и Хироко Нагата нашли друг друга как партнеры в предстоящей революционной борьбе.

Вот только революционной борьбы у них так и не вышло.

Но обо всем по порядку.

Летом 1971 года лидеры обеих террористических групп договорились о слиянии своих организаций в Объединённую Красную Армию («Рэнго Сэкигун»). Цунэо Мори стал главой новой группы, а Хироко Нагата стала его заместителем несмотря на то, что членов Кэйхин было гораздо больше, чем членов Сэкигун (всего набралось около 30 человек). Мори обладал превосходной способностью манипулировать революционной теорией – трактовать текущую обстановку в идеологическом ключе. Основной его функцией было давать идеологические объяснения действиям и актам группы. Хироко Нагата была хорошим оратором, могла писать теоретические статьи, но чувствовала себя гораздо уверенней в подчинении у авторитетного лидера. Мори хорошо относился к Нагате, уважал ее за прямолинейность и жесткость, за способность принимать волевые решения. Именно такая правая рука и была ему нужна. Действительно, они идеально подошли друг другу.

Ну, а начался путь Объединённой Красной Армии – угадайте с чего?

С того, что Нагата решила провести чистку в рядах новоиспеченной организации – то есть избавиться от ненадежных и не внушающих доверия элементов. И Мори в этом начинании ее поддержал.

То есть не успели еще толком развернуться, а уже занялись выбраковкой личного состава. Чего откладывать-то?

Действительно. Ряды нужно содержать в чистоте. Члены революционной организации должны соответствовать предъявляемым им требованиям. Вообще, чистки бывают не просто необходимы, но и, порой, неизбежны, если организация хочет достичь серьезных результатов в своей деятельности.

Главное в этом деле – уметь вовремя останавливаться. Про Ежова так говорили – что это был ответственный, исполнительный человек, который не умел вовремя останавливаться. А что же произошло с Рэнго Сэкигун?

Незадолго до окончательного слияния двух группировок в Объединённую Красную Армию два участника – студентка медицинского колледжа Хайки Ясуко и ее парень Мукаияма Сигенори – покинули ряды организации – сбежали во время выполнения партийного задания.

При этом Хайки не только оставила движение, но перед этим в разговорах упоминала о том, что хочет написать книгу о похождениях храбрых японских революционеров – на основе личного опыта участия в революционном движении. Лучше бы она держала язык за зубами. Нагата приняла решение примерно наказать дезертиров – чтоб другим бойцам не повадно было.

Хайки вывезли из общежития, где она проживала, в сельскую местность, по пути студентку допросили и избили до потери сознания. После прибытия в условленное место бывшие соратники девушки начали копать ей могилу. Студентка пришла в себя, пыталась бежать, сопротивлялась, но ничего поделать не смогла. Ее задушили, раздели и закопали.

К ее парню, Мукаияме, пришла в гости другая его подруга, тоже участница Сэкигун. Мукаияма хорошо ее знал, поэтому доверял ей. Она его напоила, а потом заманила в квартиру, где его поджидали несколько членов Кэйхин. Парня избили, перетащили в машину и увезли в то же место, где была убита Хайки. Там его также задушили и закопали.

После расправы над дезертирами Мори объявил, что члены Объединенной Красной Армии должны осознать свою непригодность к революционной борьбе. Слабость каждого отдельно взятого бойца Красной Армии непременно угрожает всей организации. Они должны перековать себя заново. А для этого Мори решает организовать тренировочный лагерь в горах, подальше от посторонних глаз.

В декабре 1971 года 29 человек, 19 мужчин и 10 женщин, перебрались на свою новую базу – в заброшенную хижину в горах в префектуре Гумма. Здесь, в полной изоляции, боевики вплотную занялись политической и боевой подготовкой. Жизнь в лагере была подчинена четкому распорядку – выходить за пределы убежища без санкции руководства запрещалось, ежедневно проводились занятия по стрельбе и рукопашному бою, штудировались произведения Маркса, Мао Цзэдуна и Троцкого.

Но, по мнению Цунэо Мори, этого все еще было недостаточно.

И вот, дорогие товарищи, сейчас мы с вами перевернем одну из самых мрачных страниц в истории «нового левого» движения. Конечно, бывали в истории вещи и пострашнее, чем то, что произошло в горах префектуры Гумма. Тем не менее, вопиющий цинизм и полпотовский уровень жестокости вряд ли оставят кого-то из читателей равнодушным.

Честно говоря, когда я начинал работу над этой статьей, у меня было намерение реабилитировать японских красноармейцев, восстановить их репутацию. Уж больно много дерьма было вылито на их головы буржуазной пропагандой. При поверхностном ознакомлении история Объединенной Красной Армии больше всего напоминала какую-нибудь очередную неполживую антисоветскую байку наших декоммунизаторов. Ну, типа про катынский расстрел, про сломанные челюсти Королева, или про то, как Берия перетрахал всех московских пионеров. Буржуазная пропаганда – она такая, она именно так и работает. Чем больше в истории дерьма – тем правдоподобнее эта история выглядит. Однако изначальная задумка – очистить историю Рэнго Сэкигун от дерьма – потерпела крах. Копнув поглубже, я убедился, что в этот раз дело обстоит совсем по-другому. В случае с Рэнго Сэкигун буржуйским пропагандонам врать и очернять не пришлось. Плазменные японские революционеры сами постарались себе на славу.

Мы обратимся к книге «Blood and Rage (Кровь и Ярость). История Японской Красной Армии» под авторством американского писателя Уильяма Фарелла. Книга была издана в 1990 году и содержит довольно неплохое исследование ультралевого терроризма в послевоенной Японии.

Конечно, автор – американец. Разумеется, он совсем не шарит ни в марксизме, ни в японской культуре, и самурайский дух ему наверняка чужд. Ну что там можно найти?

Книга на английском. Но в Интернете имеется несколько важных глав из этой книги, переведенных на русский язык пользователем ЖЖ с труднопроизносимым ником TONG_REASATHEA. Огромное ему спасибо за проделанную работу. Его перевод был использован для этого обзора. Ссылка на его блог указана в списке источников в конце статьи.

Итак. Слабые должны умереть.

Зимой 1972 г., в глубине японских Альп, революционная группа Ренго Сэкигун обрекла 12 своих членов на долгую и мучительную смерть. Эти 12 человек не выдержали пыток и избиений, которым они были подвергнуты своими же товарищами. Запредельный, почти полпотовский уровень жестокости нашел массу заумных объяснений. Участников расправы называли монстрами, психопатами, зверьем, но настоящий ужас заключается в том, что подобный результат произошёл от совсем обыкновенных социальных процессов, запущенных обыкновенными, вполне нормальными людьми.

Первой жертвой стал двадцатидвухлетний студент Токийского университета Озаки Мицуо. Он был членом Кэйхин. Его обвинили в том, что он слишком болтлив, что он часто распускал язык в общении с посторонними людьми, а также в недостаточной демонстрации революционного духа. Мори решил, что Озаки должен закалить себя, приняв участие в кулачном бою с другими бойцами. Против него выставили гораздо более сильного бойца, и он соответственно пострадал. Раз за разом поднимаясь с земли, он получал ещё и ещё. Товарищи хладнокровно наблюдали за избиением. Когда у Озаки не осталось сил, он стал благодарить Мори за данный ему шанс исправиться, но его слова были истолкованы так, будто он хочет добиться снисхождения от лидера. Его опять избили, вытащили на улицу, на мороз, и привязали к столбу.

Всю ночь и весь следующий день Озаки провел на улице, привязанный к столбу. Мори объявил, что молодой человек ещё не показал достойного характера и мужества быть настоящим солдатом Японской Красной Армии. Продолжались избиения. В конце концов парень скончался от побоев и переохлаждения.

Смерть Озаки оказалась неожиданностью для других членов группы. Ведь они хотели его исправления, но не его смерти. Так или иначе, они все принимали участие в расправе и прямым или косвенным образом были виновны. Товарищи потребовали у лидера объяснений.

Мори пришлось задействовать весь свой талант, чтоб объяснить произошедшее. Озаки не смог найти и собрать в себе силы для того, чтобы вершить революцию. Столкнувшись с трудностями на своем революционном пути, он предпочел смерть. Не мы убили его. Он сам виноват. Мы лишь помогли ему осознать свою слабость. Озаки не хватило выносливости для борьбы. Он сделал свой выбор. Слабые не выживут. Они должны быть выявлены и удалены. Дело продолжается!

Синдо Рюзабуро, 22 года, бывший студент стал следующим. Он был членом Сэкигун и флиртовал с боевыми подругами, что было ну совсем не к лицу настоящему революционеру. Его смерть была схожа со смертью Озаки. Все по такому же сценарию. Вскрытие показало многочисленные синяки, поломанные рёбра и лопнувшую печень.

Объединённая Красная Армия была крайне озабочена сексуальным поведением участников. Бойцы, до этого состоявшие в Сэкигун-ха, по вопросам феминизма особо не заморачивались и придерживались традиционных взглядов на отношения между полами. То есть – пока мужчины проводят акции на передовой, женщины обеспечивают тыл. Интимные отношения не были запрещены. А вот участники Кэйхин – совсем другое дело. По их мнению, секс должен быть подчинён делу революции. А положение женщин в тылу сама Нагата считала для себя и своих соратниц унижительным.

Следующие жертвы – студент Като Ёситака, 22 года, и студентка Кодзима Казуко, тоже.

У Като было два младших брата в Объединённой Красной Армии. Во время массовых беспорядков ему пришлось побывать под арестом, но он был благополучно выпущен на свободу. Однако, во время допроса в полиции, он раскрыл некоторую информацию. После возвращения в группу Като решил не сообщать руководству о своём нарушении, но вскоре проговорился.

Кодзима принимала участие в похищении и убийстве двух дезертиров – Хайки и Мукайяма. Она была водителем машины, которая доставила обоих к месту казни. Причастность к убийству её бывших соратников в конце концов вызвала у нее сильное эмоциональное напряжение. Она призналась в своей слабости лидерам группы, рассчитывая получить помощь и совет, но Мори и Нагата интерпретировали слабость Кодзимы как потенциальную угрозу революционному делу.

Като и Кодзима получили наказание – они должны были изложить в письменном виде свои размышления насчёт себя и насчёт революции. До тех пор, пока они не осознают свою слабость и неполноценность, им было отказано в еде и общении с товарищами. Дело дошло до того, что у Кодзимы произошел нервный срыв, и она заявила, что Като, ее собрат по несчастью, который ночью спал с ней рядом, домогался её. В хижине возникли шок и замешательство. Мори приказал избить обоих – ведь если бы Кодзима не спала рядом с Като, то ничего бы не произошло. Негодование Нагаты сосредоточилось на Като, так как он желал интимной близости вместо того, чтобы сосредоточиться на достижении революционной зрелости. Като был из первоначальной группы Нагаты, и она была обескуражена, что один из её последователей продемонстрировал менее революционное поведение, чем последовательница Мори.

После избиения Като и Кодзима сознались в сексуальных преступлениях. Мори воспринял эти вынужденные признания как крупное достижение. Если небольшое наказание сумело доставить столько информации, то более жесткие меры наверняка приведут к еще лучшему результату. Родные братья Като тоже принимали участие в избиениях. Они пытались добиться снисхождения от Мори, но безуспешно. Им оставалось только следовать приказам и надеяться на лучшее. Като и Кодзима были выведены на улицу, привязаны к столбу и оставлены замерзать на жутком холоде. Като стойчески перенес это испытание. Кодзима же подавала признаки упорствующего ослушания, подобно другим бойцам, которые не могли соответствовать высоким стандартам настоящего революционера. Ее продержали под морозным ветром гораздо дольше, и она замерзла насмерть. Като перенесли в хижину, чтобы отогреть, но вновь подняться на ноги студент так и не смог. Вскоре умер и он тоже.

Далее по списку была Тояма Миеко, двадцатипятилетняя студентка университета в Мейдзи и давняя участница Сэкигун. Под псевдонимом «Сасаки» она писала революционные статьи. В студенческие годы она была близкой подругой Фусако Сигэнобу.

А вот Нагата просто люто ее ненавидела и постоянно критиковала. Она полагала, что Тояма слишком женственна, чтобы считать себя борцом за революцию. Тояма пользовалась косметикой и часто расчесывалась. Это раздражало Нагату. По утверждению Нагаты, вызывающее поведение Тоямы отвлекало внимание мужчин от постижения основ марксистской теории. Тояма была девушкой одного из заключенных членов Сэкигун и стала активным участником после его ареста. Такая мотивация, по мнению Нагаты, была недостаточной. К тому же её подозревали, что она тайком занимается сексом с другим старым участником движения – бывшим студентом Намеката Масатоки.

Недостаточная мотивация и нерешительность в выражении революционного рвения могла быть смертельной. Не было никаких правил или стандартов – любое решение зависело от Мори или от Нагаты. Стоило Тояме и Намекате попасть под подозрение – и их судьбы были решены.

Мори приказал Тояме бить себя по лицу в течении получаса. До смерти перепуганная молодая женщина четко выполнила указание. Намеката признался под давлением, что думал сбежать. Мори приказал переломать ему ноги, чтоб устранить возможность для побега. После этого Намеката был вытаснен на улицу и привязан к столбу. Избитая Тояма была привязана рядом. Холодный морозный ветер превратил их тела в глыбы льда. Их раздели и закопали, их участие в революции было закончено.

Кто на очереди? Нагата не щадила и тех, кого она привела в группу с собой.

Тераока Коити – настоящий ветеран Кэйхин, он вступил в группу во время её создания в 1969 году. Он принимал участие в успешном ограблении оружейного магазина, что принесло Кэйхин целый арсенал. Его опыт и позиция в организации давали ему возможность влиять на решения лидера. По приказам Нагаты он послушно принимал участие в убийстве двух своих соратников. Однако Нагата решила, что он таит в себе амбиции принять руководство и таким образом пересекает границы положенного.

Все члены группы были собраны под председательством Нагаты, чтоб критиковать Тераоку. В разгар собрания, когда обстановка накалилась, Тераока был подвергнут групповому избиению. Ему пришлось признаться в том, что он планировал убить своих соратников и сбегать, что он испытывал сексуальное влечение к женщинам группы, что не изжил в себе мечту о богатой и роскошной жизни. Мори ударил его ножом, а затем велел остальным членам группы сделать то же самое. Истекавший кровью Тераока долго отказывался умирать, и его пришлось задушить.

После смерти Тераоки другой участник группы, парень по имени Ямадзаки Дзун, 21 год, ветеран движения, принимавший участие в ограблениях банков, сам попросил своих товарищей, чтобы они убили его. Он внезапно признался, что тоже хотел покинуть организацию, но боялся сказать об этом. Товарищи обвинили его в том, что он «сталинист» – потому что якобы пытался подчинить интересы организации своим личным интересам. Учитывая, что все боевики Рэнго Сэкигун были упоротыми троцкистами, это было воистину страшное обвинение. После долгого допроса его несколько раз ударили ножами, а потом задушили. Вскрытие показало восемь глубоких ножевых ран, из них три в сердце, шесть рёбер были поломаны.

Ямамото Дзунити, 28 лет, вполне взрослый человек, сотрудник японско-китайской торговой компании, хороший семьянин – никто не подозревал в нем радикала. Его ни разу не арестовывали и не замечали в уличных демонстрациях. Вступив в Рэнго Сэкигун, он притащил с собой жену. Ямамото выглядел неохотным солдатом, в дополнение к своей неуверенности он вёл себя «как обычный муж к своей жене, а не как революционер». Во время допросов его недостаточная мотивация стала еще более ясной. Его избили, вывели наружу, привязали к бревну, избили ещё раз и, всё ещё привязанного к бревну, выкатили в снег. Три дня подряд он замерзал на улице, рыдал, умолял отпустить его; в конце концов, крики превратились в стоны, и он скончался, откусив себе язык.

Оцуки Сецуко, 28 лет, была в составе Кэйхин с самого начала и принимала участие во многих акциях, в том числе в ограблении оружейного магазина. Еще она участвовала в расправе над первыми двумя жертвами, помогала заманить в ловушку Мукаияму, но делала это без особого энтузиазма, то есть не показывала настоящего революционного рвения. После напряжённого допроса она была избита, выведена наружу и привязана к столбу. Однако воспитательная мера не возымела действия, девушка оказалась необучаемой, она выражала своим видом враждебность, а не революционное рвение, она была слишком слабой, чтобы достичь революционного духа. Один из соратников, у которого была в прошлом любовная связь с Оцуки, получил приказ избить её снова. Но она скончалась до того, как ее бывший парень приступил к делу. Скорее всего, поняв, что её снова будут бить, она выбрала пораженческую смерть.

Канеко Митиё, 24 года, активная участница Кэйхин и супруга одного из боевиков. Экстремистская деятельность вполне может быть семейным делом. Вместе со своим мужем она принимала участие в убийстве Хайки Ясуко. В лагере Канеко была ответственной за поддержание порядка. Её полномочия были слишком большие, в глазах Мори. А еще она была на восьмом месяце беременности.

Товарищи привязали беременную женщину к столбу в морозную погоду, избили, а затем удалились на совещание. Несмотря на то, что Канеко была недостаточно революционна, её ребёнок, дитя революции, будет воспитан Объединённой Красной Армией. Дискуссия велась

вокруг способности группы сделать кесарево. Нагата училась на фармацевта, а среди других женщин группы были медсёстры. Группа решила, что вполне способна осуществить задуманное. Но Канеко не дождалась их – она и ребёнок в ее утробе умерли от холода до того, как начинающие хирурги приняли решение. Нагата была взволнована, что группа не среагировала достаточно быстро, и объявила соратникам, что руководство критикует себя за промедление.

Объединённая Красная Армия таяла. Члены боялись друг друга и сомневались в том, что они смогут защитить себя против замечаний своих соратников. Последней жертвой стал двадцатисемилетний Ямада Такаси.

В то время как лидеры обсуждали планы организации празднования юбилея ограбления оружейного магазина, дебаты сместились на всё движение в целом и его цели. Большинство радикалов было настроено на продолжение вооружённой борьбы, но Ямада начал подвергать сомнению пользу дела. Он стал объектом жёсткого критицизма, был избит и выставлен на мороз, как и все другие, кто был до него. Через несколько дней он умер, был раздет и закопан в мерзлую землю.

Если бы Лев Давидович узнал, что вытворяют его последователи от его имени, то он бы, наверное, в гробу перевернулся. Хотя, насколько мы знаем, Лев Давидович сам не отличался принципиальностью и последовательностью.

Но как же так получилось, что ячейка революционной организации превратилась в банду отморозков? Должно же быть этому разумное объяснение?

И оно есть.

Вполне благое намерение цементировать объединённую революционную группу, сплотить ее и добиться от своих товарищей высокого уровня сознательности – вот, что лежало в основе практики, внедрённой лидером, Цунэо Мори. Он объявил о методе «кёнсансюгика» (kyonsanshugika) т. е. Коммунистическая трансформация или «коммунизация». Этот термин использовался и до этого в литературе Сэкигун, к примеру, в воззвании к «коммунизации революционных солдат», но был слишком расплывчатым. Основная идея заключалась в том, что каждый член революционной организации должен выявить и искоренить в себе буржуазные привычки, для того чтобы стать лучшим революционным солдатом. Мори велел товарищам указывать на их недостатки и рекомендовать методы их исправления. Он соединил практику самокритицизма – «джикохихан» (jikohiphan) – с другой практикой – «сокацу» (sokatsu) – коллективной критической оценкой текущих проблем организации, с выводами, что и как должно быть сделано.

Отчасти это напоминает практику роста сознательности в групповых сессиях, используемую в американской психотерапии. Регулярные совещания Объединённой Красной Армии больше всего напоминали собрания Анонимных Алкоголиков.

То есть небольшая группа людей, которые регулярно собираются вместе с единственной целью – поделиться опытом выздоровления с товарищами, которым нужна помощь. На некоторых собраниях можно услышать, как участники изливают душу, жалуются на жизнь, рассказывают о наболевшем; при этом предполагается участие в работе группы профессионала-психотерапевта. Примерно так же было и здесь. Целью вот такой вот революционной терапии было помочь созданию сильной личности через выявление и групповую критику слабых сторон. Но группа должна иметь умелого руководителя, который сумеет вовремя остановить коллективное осуждение, иначе процесс критики может зайти слишком далеко.

Хироко Нагата при аресте

Не то, чтобы эта практика была вредна или ошибочна. Просто этот инструмент оказался в неумелых руках. Мори не был готов обуздать новую форму самокритицизма, а остальные члены группы не могли контролировать эксцессы, особенно если приходилось вступать в конфронтацию с лидером. Многие члены не понимали всю суть «кёнсансюгика». Коммунизация не имела конечной цели и не указывала, как эта цель должна быть достигнута. Коммунизация – это Путь.

И это, кстати, вполне в троцкистском духе. Для троцкистов Революция – тоже Путь. Она важна сама по себе. Главное – процесс, а не результат. Борьба ради борьбы. Обобществление ради обобществления. Революционное насилие ради революционного насилия.

В сессиях роста сознательности более продвинутые члены должны были вести за собой менее продвинутых. В процессе коммунизации выискивалось буржуазное поведение и классово вредные мысли. Но так как участник зачастую не догонял, чего именно от него хотят, то он вспоминал лишь мелкие проступки и легкомысленное поведение, а остальные участники раздували это до больших проблем. То есть раздували из мух слонов. Преобразование из буржуазного студента в революционного солдата делало любой неприятный момент прошлого сомнительным и опасным для общего дела. Врать своим товарищам молодые люди не могли. Это было стыдно.

В начале Мори предполагал, что участник должен сам, без помощи других идентифицировать свои проблемы типа зависимости, жадности, лени и предложить решение типа «ужесточить себя», «перековать себя заново». Многие из членов думали, что они легко смогут пройти этот Путь. Потом коммунизация была усовершенствована, в групповую психотерапию были внедрены элементы «Бойцовского клуба». Но в определенный момент что-то пошло не так. Непредвиденная смерть повернула всё в другое русло.

Озаки Мицуо – первая жертва – не должен был умереть. Его смерть была первым знаком, что процесс самокритики зашёл слишком далеко. И Цунэо Мори, как командир, должен был принять на себя ответственность за непреднамеренное убийство своего товарища. Но тогда ему пришлось бы подвергнуть критике самого себя. Авторитет, которым Мори дорожил, был бы безвозвратно утрачен. Иначе говоря, лидеру организации самому остро не хватало тех качеств, которые он пытался привить своим товарищам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.